

ТРУДЫ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБ. Вып. I

МОСКОВСКИЙ КРАЙ В ЕГО ПРОШЛОМ

ОЧЕРКИ ПО СОЦИАЛЬНОЙ И
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
— XVI—XIX ВЕКОВ —

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
проф. С. В. БАХРУШИНА

МОСКВА

1928

Купеческие мемуары. ¹⁾

I.

Мемуарное наследство, оставленное русским купечеством, весьма не велико. В противоположность обширной мемуарной литературе русского дворянства, охватывающей непрерывной цепью историю XVIII и XIX в.в., немногочисленные купеческие мемуары писались преимущественно во второй половине прошлого столетия и в начале текущего. Личные воспоминания их авторов редко идут далее 30—40 годов XIX в., а собранные ими письма, предания и рассказы родных передают жизнь купечества приблизительно с начала прошлого столетия. Но и эти немногие купеческие мемуары совершенно не использованы в научной литературе и не подвергались еще систематическому изучению. Отчасти это можно объяснить тем обстоятельством, что наиболее интересные из них были изданы на правах рукописи для ограниченного круга читателей. „Семейная хроника Крестовниковых“ была напечатана „не для продажи“. На обложке „Сведений о купеческом роде Вишняковых“ также значится, что это издание выпущено— „в количестве ста экземпляров, не предназначенных для продажи“. Воспоминания Н. Найденова, видного общественного деятеля московского купечества, также не поступили в продажу и были „напечатаны для лиц, принадлежащих и близких роду составителя“.

В какой степени неизвестными остаются эти мемуары, видно на примере воспоминаний Найденова, которые по связи с общественной жизнью своего времени, казалось, должны были заинтересовать историка и экономиста. Между тем эти воспоминания остались неизвестными М. Н. Соболеву, который в своей работе о „таможенной политике России во второй половине XIX в.“ (Томск 1911 г.) отводит значительное место борьбе московских фабрикантов в 60-х годах против фритредерских проектов таможенного тарифа, о чем подробные сведения сообщают и записки Найденова. Еще более странным представляется игнорирование мемуарной литературы в таком издании, как обширная „История Московского Купеческого Общества“, издававшаяся под редакцией В. Сторожева. В помещенной в этом издании (т. II, вып. I), статье „Московское купечество 60-х годов прошлого века о торговом договоре между Россией и Германией“ рассмотрено замечательное „Мнение“, составленное представителями московского купечества в 1865 г., в ответ на германскую записку о торговом договоре. Автор указанной статьи пытался выяснить составителей этого „Мнения“ и на основании ряда остроумных соображений приходит к догадке, что таковыми могли быть

¹⁾ Доклад, прочитанный 23 ноября 1926 г. на заседании Культурно-Исторической Секции Общества изучения Московской губ.; печатается в сокращенном виде.

в Петербурге об основании компании и впоследствии служил правителем ее Иркутской конторы. Но скоро он отказался от службы, так как „кровь его кипела деятельностью; средства казались неистощимы. Он завел выделку морских котов и на большие деньги, какие успел собрать, решил основать в Сибири фаянсовую фабрику“, к которой впоследствии присоединил водочный завод. Необузданная фантазия в приложении к коммерческим делам привела однако его к разорению, примером его неудачных опытов может служить попытка делать сахар и ром из арбузов и т. п.¹⁾

Семейная хроника Крестовниковых начинается с рассказа о деду автора, Козьме Васильевиче Крестовникове, в начале XIX века бывшем „одним из первых коммерческих деятелей в Москве, как по предприимчивости, так и по капиталу. Он имел в Москве сахаро-рафинадный завод на Щипке... имел завод для производства свинцовых белил; вел большие дела по внутренней и заграничной торговле; через первостатейного петербургского купца Прокопия Ивановича Понамарева, известного тогда обширностью оборота по внешней торговле, дед выписывал из заграницы сахарный тростниковый песок, кофе, пряжу, москательные и др. товары; вел большую торговлю в Архангельске, в Оренбурге, где покупал привозные товары и продавал московские; он торговал на Макарьевской и Ирбитской ярмарках; посылал своих людей на ярмарку в Броды и на Лейпцигскую ярмарку“. Пожар Москвы в 1812 году уничтожил склады товаров Крестовникова, а понижение пошлин на заграничные товары по тарифам 1816 и 1819 г.г. еще более усилило его разорение. Но даже после того, баланс фирмы Крестовниковых показывал еще миллионное состояние. „Положение нашего деду, говорит автор хроники, было выдающееся как по способностям, неутомимой деятельности, так и по обширности дел“²⁾.

К тому же типу крупных и разносторонних коммерсантов принадлежал Ив. Петр. Щукин, о котором рассказывает М. А. Рыбникова в „Горбовской хронике“. Он „имел в Боровске и мыларню и кирпичные заводы, пивоваренный и солодовенный заводы, имел пять лавок, вел поставку соли, вина, завел в Гжатском уезде стеклянную фабрику, деловые сношения связывают его с именитым купечеством Боровска, Вереи, Гжатска, Тулы; имеет дело он с какими-то нежинскими греками и с немецкими мастерами, которых он приглашает на свой стеклянный завод“. События 1812 г. также разорили Щукина, причинив до миллиона рублей убытка, и превратили его в несостоятельного должника.

Особенности производства на фабрике первой половины XIX в. отчетливо передают воспоминания Н. Вишнякова. История этого купеческого рода может служить также хорошим примером перехода от торгового капитализма к промышленному. Вишняковы вышли из старинного посадского рода города Кашина и по документам XVII века имели в то время коренным ремеслом кузнечное и оружейное дело. В начале XVIII столетия один из них занялся „походячим торгом“, скупал у кустарей чулки и продавал их в Москве, а сын его уже переселился окончательно в Москву, записавшись купцом второй гильдии. Отец автора воспоминаний, Петр Михайлович Вишняков, на личности которого мы остановимся более внима-

1) Н. Полевой. Очерки русской литературы Ч. I, СПб. 1839 г. „Несколько слов от сочинителя“; Записки К. С. Полевого СПб. 1888 г.

2) Семейная хроника Крестовниковых, кн. I, М. 1903, стр. 25, 27

тельно в следующей главе, начал свою коммерческую деятельность в начале XIX столетия в качестве мальчика в лавке богатого промышленника и купца Алексеева. Постепенно он становится приказчиком и затем главным доверенным, почти полновластно распоряжающимся в деле Алексеева. Это помогло Петру Вишнякову скопить некоторые средства, и в 1816 году он оставил службу и завел свое собственное золотопрядильное производство. „Главным предметом производства Вишняковых были золотые и серебряные нити, опряденные на шелку или бумаге, которые требовались, как материал, для выработки парчей и галунов, шитья церковных и военных вещей и для украшения национальных костюмов. Выработка означенных ниток производилась ручным способом“... В середине столетия на фабрике Вишняковых было 60 прях, и сумма годового производства составляла 166 тыс. рублей, что ставило их на третьем месте среди 27 московских фабрик того же рода. Однако, фабричным способом (точнее „мануфактурным“) выполнялась лишь одна сторона производства—прядение серебра и золота, другая часть работы раздавалась на дом кустарям: „дешевые позументы, бакинские и татарские, работали нашими мастерицами в деревне Орудьево Дмитровского уезда ¹⁾. Предприятие Вишняковых, повидимому, оставалось без значительных перемен в продолжение большей части XIX века.

Крепостная буржуазия, принимавшая значительное участие в торгово-промышленной жизни первой половины XIX в., также имеет своих мемуаристов. В воспоминаниях бывшего крепостного Н. Шипова отразились не только крестьянское бесправие и страстное желание крепостного избавиться от неволи, но и особенности крупной оптовой торговли того времени. Автор воспоминаний родился в 1802 г., близ города Арзамаса, Нижегородской губ. и был оброчным крестьянином помещика Салтыкова. Шиповы производили торговлю скотом, салом, мехами и кожами. За скотом обычно ездили на Урал и в Поволжье. Эти воспоминания передают довольно подробно все перипетии торговли скотом и кожами, игравшей в русской торговле, особенно во внешней, очень значительную роль. Еще больший интерес представляют воспоминания Шипова в качестве иллюстрации положения крепостной буржуазии. Они показывают, как нередко больно ударяло крепостное право по торгово-промышленной жизни страны. Помещик старался выжать возможно больше дохода из своих богатых крестьян и для этой цели не стеснялся никакими мерами воздействия. От его преследований Шипов бежал в Бессарабию, откуда вернулся на юг России под чужим именем и пытался возобновить коммерческую деятельность, но был опознан и возвращен своему помещику. Наконец, узнав, что по закону крепостные, попавшие в плен к горцам, по выходе из плена освобождаются на волю, он поступил маркитантом в кавказскую армию, попадает в плен и становится вольным человеком в 1845 г. Но коммерческие предприятия его были уже окончательно загублены ²⁾.

Крестьянская предприимчивость терпела гонения не только со стороны помещиков. Для истории Иваново-Вознесенской текстильной промышленности, созданной крепостной буржуазией, представляют значительный интерес записки фабрикантов Полдиных,

¹⁾ Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым, ч. I. М. 1903. Прилож. стр. 30, ч. III, стр. 162.

²⁾ „История моей жизни, рассказ бывшего крепостного крестьянина Н. Н. Шипова“. СПб. 1881 г., стр. 4, 8, 18.

отмечавших сооружение фабрик в Иванове, пожары, выборы на общественные должности и т. п. Любопытна следующая заметка Полушина, изображающая притеснения иваново-вознесенских фабрикантов со стороны дореформенного чиновничества. Он рассказывает о страхе, порождаемом праздничными набегами шуйских чиновников: „живо помню, какая тревога и беготня поднималась в доме моего отца, когда в Рождественские праздники или Пасху на дальней дороге из Шуи на Дмитровку показывалась длинная вереница разнообразных экипажей, нагруженных секретарями, столоначальниками, писцами и тому подобными деятелями шуйских присутственных мест. При виде этой орды Сперанских, Успенских, Приклонских, идущих и едущих поздравлять Ивановских купцов с праздником, все окна в доме занавешивались, двери запирались и повсюду наступала такая поразительная тишина, что слова дворника, возвещавшего отсутствие всех жильцов дома, можно было принять за чистую, откровенную истину. То же самое творилось в эти дни во всех купеческих домах“¹⁾.

Крепостным крестьянином был также один из пионеров литографского дела в России И. А. Голышев, оставивший свои воспоминания. Мальчиком его отдал в Строгановское училище, но учился он мало из боязни по окончании школы быть взятым помещиком в дворовые, что было обычной участью крепостных художников. Еще будучи учеником, он заинтересовался новым тогда литографским делом. Крымская война и последующие политические события привели к усиленному спросу на злободневные лубочные картины и портреты. В этот благоприятный момент, в 1858 г. с разрешения помещика он открыл свою литографию на родине, в с. Мстерах Владимирской губ. В качестве рабочих он использовал местных иконописцев и широко практиковал раздачу работы на дом (для расцветки картин). Вскоре после воли Голышев вышел из крестьянского сословия и становится почетным гражданином²⁾.

Уже с 40-х годов, и особенно с середины XIX века, наступило время усиленного роста промышленности, мануфактурный характер производства начинает заменяться чисто фабричным. Этот скачок в сторону капитализма, производственного и финансового, нашел свое отражение в любопытнейших страницах купеческих мемуаров. Едва ли не наиболее важное значение этого источника заключается именно как в изображении этого перелома в хозяйственной деятельности, так и отражения его в домашнем быту и политическом значении купечества.

В этом отношении интересные сведения сообщает „Семейная хроника Крестовниковых“. Еще в 40-х гг. благосостояние этой семьи основывалось главным образом на ткацком производстве (Полянская фабрика под Москвой основана в 1814 г.), при чем дело велось достаточно культурно: выписывались иностранные мастера, английские машины и т. п. Однако, вследствие нерешительности хозяев в отношении расширения производства, ткацкое дело ушло из их рук и перешло к конкурентам. Тогда, „глядя на других“, Крестовниковы принялись за постройку прядильной фабрики, „однако, дядюшка Александр Козьмич сильно упорствовал, и много труда выпало на долю брата Александра Константиновича. убедить его в пользу устройства прядильной фабрики“. Совсем другой характер, более

¹⁾ „Русский Архив“ 1898 г. № 6.

²⁾ „Русская Старина“. 1879 №№ 4 и 6. 1886. № 3.

смелый и изобретательный, имеют в 50—60-х годах предприятия следующего, третьего поколения Крестовниковых, двое из которых побывали еще в молодых годах за границей для получения практического коммерческого образования. Первый самостоятельный шаг молодых Крестовниковых заключался в поездке за средне-азиатским хлопком: „в 1854 г., по случаю Крымской войны и блокады наших портов англичанами, я и брат Иосиф в начале декабря поехали в Казань, чтобы с наступлением весны отправиться оттуда в Оренбург и Троицк за средне-азиатским хлопком, так как за неимением американского и других, ввозимых к нам морем, хлопков пришлось бы надолго остановить работы на Полянской фабрике. Наша поездка в Оренбург за хлопком являлась в то время каким-то подвигом... Мы первые познакомили в этот год московских фабрикантов с хивинским и бухарским хлопком. Хивинский хлопок оказался особенно хорош как волосом, так цветом и чистотой. До нас покупал всю партию средне-азиатского хлопка в Нижегородской ярмарке П. С. Малютин в одни руки по 14 руб. ассигн., и покупал, как монополист, с условием, чтобы вся партия хлопка была продана ему, а никому другому, иначе он отказывается от покупки... Принеся большую услугу московским фабрикантам, мы и сами нажили по рублю серебром на пуд и были очень счастливы удачей первого шага в нашей деловой жизни“.

Еще любопытнее возникновение стеаринового завода Крестовниковых. „Во время нашего пребывания в Казани, там вышла в свет брошюра профессора казанского университета М. Я. Киттары о выгоде устройства в Казани стеаринового завода... Мы стали помышлять об осуществлении китаровского проекта.. и кончили тем, что поехали покупать землю в Казани, с намерением построить там стеариновый завод“. Менее чем в год, завод был выстроен и в 1856 г. вышли первые свечи. „Когда мы устраивали завод, Казань в промышленно-заводском отношении стояла очень низко. Наша паровая труба явилась здесь первой от сотворения мира. Татары, не привыкшие к произношению нашей фамилии, называли нас попросту „большая труба“. Вслед за стеариновым заводом в 1860 г. Крестовниковы устраивают в Казани кожевенный завод с механическими приспособлениями по иностранным образцам.

Энергичная деятельность Крестовниковых по организации новых предприятий приходится как раз на время чрезвычайно благоприятной хозяйственной конъюнктуры—апогей ее был в 1855—1856 г. — о котором все вспоминали, как о „золотом времени“. К этому периоду относится также развитие торговли Брюсова. Деду поэта, по словам последнего, „помогли годы Крымской войны. В те времена в России еще не было пробочных фабрик, пробки надо было привозить из заграницы морем, а все порты были в блокаде. Дед рискнул выписать товар на свой собственный страх через Архангельск; товар дошел, и он мог брать за него особую цену. В 60—70-х годах пробочная торговля К. А. Брюсова была единственной в Москве, обороты доходили до 90.000 в месяц. Состояние деда дошло до того предела, который можно назвать богатством, конечно, умеренным“ ¹⁾.

Рост промышленности и торговли требовал расширения кредитных учреждений. Довольно подробные сведения об основании банков в Москве сообщает в своих воспоминаниях Н. Найденов. Его

¹⁾ Валерий Брюсов: Из моей жизни, М. 1927, стр. 9.

дед и отец вели текстильное производство, имели красильное и ткацкое дело, а сам автор мемуаров целиком обращается к банковской деятельности. Он был одним из учредителей московского Торгового Банка и подробно передает историю его возникновения. В 60-х годах, по его словам, „банковское строительство было в полном разгаре, доходя до крайности“.

Крестовниковы и Найденовы принадлежали к передовой и образованной части столичного купечества. Этих представителей более или менее старых купеческих родов интересно сопоставить с провинциалами и новичками, которыми пополнялся торгово-промышленный класс в тот же период 50—60 г.г. К таким *ouveaux riches* того времени принадлежал автор „Записок о моей жизни“ (М. 1902 г.) Н. М. Чукмалдин, родом сибирский крестьянин. Детство автора прошло в сибирской деревне в 40-х годах в обстановке, напоминающей скорее XVII в., чем девятнадцатое столетие. В этих записках хорошо отразился патриархальный и суровый крестьянский быт, где каждый серьезный жизненный шаг сопровождался обрядами. Пятнадцати лет автор отправился в город, чтобы заработать средства на покупку рекрутской квитанции, освобождающей от солдатчины. Он поступил подручным к приказчику на большой кожевенный завод в Тюмени здесь он обнаружил сметливость и коммерческие способности. Спустя семь лет Чукмалдин получил от богатой родни деньги в кредит и превратился из приказчика в компаньона, а затем в самостоятельного коммерсанта. Он занялся торговлей чаем, шерстью, пенькой, хлебом и т. п. Но, как истинный представитель своего переходного времени, Чукмалдин был охвачен страстью к „промышленным опытам“, не покидавшей его до конца жизни, когда он превратился в крупного московского купца, и вел значительную заграничную торговлю. Вместе с местным торговцем мануфактурой он задумал „устроить в Тюмени ткацкую фабрику хлопковых изделий, как, напр., твина, тика, трико, нанки и сарпинки. Пряжу решили выписывать из Москвы, а рабочие ткачи в Тюмени находились из ссыльных поселенцев... Трудно и рассказать теперь, каких трудов и забот стоило нам оставить и пустить в работу 10 ткацких станов в Тюмени, где на месте не было для этого ничего подготовленного окружающей промышленностью. Сломается челнок, испортится бердо, покривится навай,—надобно усиленно искать мастера для исправления, а потом платить ему за поправку дороже, чем стоит новое орудие“ он последовательно устраивал, обыкновенно безуспешно, спичечную фабрику, мыловаренный завод и химическое производство, едва не разорившие его в конец. После этого Чукмалдин переезжает в Москву, но и здесь наряду с торговой деятельностью он продолжает свои „промышленные опыты“. Он арендовал кожевенный завод, но должен был в конце-концов ликвидировать его с убытком. Главным предметом торговли Чукмалдина в Москве служила шерсть, постоянными покупателями которой были мастера валяных изделий. Расширение торговли и накопление остатков товара побудило его устроить войлочную фабрику в Арзамасе, сначала как ручную мастерскую для выделки арзамасских „полостей“. Под влиянием расширения спроса на войлок за границей он поставил на фабрике паровой двигатель с чесальными машинами и прочими приспособлениями. После ряда неудачных опытов он, наконец, добился успеха, поставив новые машины, удешевлявшие производство. Так, торговец сырьем, участь на неудачах, мало-помалу превращался в фабриканта готовых изделий.

Кроме Чукмалдина, еще два мемуариста. Д. И. Сынтин и И. Слоноз принадлежали к первому поколению коммерсантов и также передают в своих записках историю своего обогащения. Судьба их почти одинакова. Все трое начинали свою карьеру с „мальчиков“ в магазине; коммерческие способности, рано обнаружившиеся, помогли достигнуть до положения приказчика и затем заведующего лавкой. Толчком к обогащению послужила помощь, в виде кредита, со стороны родни, друзей или хозяина, которая дала возможность начать свое самостоятельное дело.

В виду значительной роли, которая принадлежит иностранцам и иностранному капиталу в истории русской промышленности, следовало бы остановиться на связанных с этим записках и материалах, несмотря на то, что они выходят за пределы нашей темы. Воспоминания знаменитого изобретателя Вернера Сименса, основателя немецкой электротехнической фирмы Сименс и Гальске, содержат несколько глав, относящихся к его промышленной деятельности в России в 1850—60 г.г. ¹⁾, где он оборудовал телеграфные линии и устроил медеплавильный завод на Кавказе. В отношении московской промышленности примером деятельности иностранца-предпринимателя может служить история фабрики Брокар. Основание этого предприятия также относится к 60-м годам, когда Брокар продал одной парижской фирме за 25 тыс. руб. изобретенный им новый способ изготовления концентрированных духов и на эти средства открыл в Москве собственную фабрику. Стремление производить наиболее дешевые сорта мыла и проч. его товара, т.-е. правильный расчет на массовый спрос, помогло ему развить свое предприятие ²⁾. Наконец, воспоминания И. Уманского, напечатанные в сильно сокращенном виде, в „Горно-Заводском Деле“ за 1914 г., передают историю горно-промышленного предприятия в Донецком бассейне с начала 60-х годов.

III.

Пользуясь мемуарной литературой, можно отчетливо представить домашний быт и мировоззрение купечества, особенно в первой половине XIX века. Едва ли имеется более яркий и цельный материал для обрисовки жизни, нравов и воззрений среднего купца Николаевской эпохи, чем „Сведения о купеческом роде Вишняковых“. Эта книга объединяет личные воспоминания автора и его родных с данными, почерпнутыми из семейного архива, магистратских дел и других источников. Наиболее полно освещена в ней эпоха Николая I, в течение которой протекала жизнь Петра Вишнякова (отца мемуариста), его жены и старших сыновей. Петр Вишняков ежегодно уезжал в Нижний на ярмарку, и письма его, сохранившиеся за промежуток в двадцать два года, послужили его сыну одним из материалов для характеристики отца. Отец был умным и энергичным хозяином основанного им золотопрядильного производства, о котором уже упоминалось выше. Дома это был человек крутой и властный. Деловой жизни подчинялся весь домашний обиход Вишнякова, его время было строго размеренно, жизнь по своему рационализирована. „Папенька любил во всем порядок,—рассказывала его жена,—а потому у нас всему соблюдались часы. Вставали мы около 8, после

¹⁾ Вернер фон-Сименс. „Мои воспоминания“, перевод с немецкого. СПб. 1893 г.

²⁾ „Золотой юбилей. К пятидесятилетию со дня основания т-ва Брокар и Ко“, стр. 30 и след.

9 он уезжал в город на весь день, там обедал и возвращался только к 5 часам, к вечернему чаю. После же он опять уходил заниматься к себе в кабинет. Только по праздникам ему приходилось обедать со всеми... Бывало, я прошу Петра Михайловича съездить со мной куда-нибудь, он мне ответит: „прости, матушка, времени не имею“. Поэтому мы и на даче никогда не жилали“. Время заполнялось, главным образом, деловыми отношениями. „Даже ярмарочная жизнь не оживлялась для отца никакими развлечениями. Отец не ходил в театр, хотя против театра ничего не имел и детей отпускал туда охотно... Он ненавидел разгул и пьянство, как главный мотив разгула, а пьяных презирал“.

Рядом с трудолюбием Вишняков отличался бережливостью, доведенной до скупости. „До какой степени люди тогда были экономны видно из следующего: „по дороге в Нижний отец и ехавший с ним Ваня (сын) растеряли картузы... кажется, не велика беда, и в Нижнем легко было достать новые картузы, которые отслужили бы свою службу. Нет! Отец предпочитает выписать себе старый картуз из Москвы: „Картуз пуховый старый отдай Афанасию. Пускай он при товаре пошлет на место потерянного. Он годится“. Внучка его впоследствии вспоминала: „Так как папаша не был отделен при особом капитале и всецело зависел во всем от дедушки, то приходилось ходить к нему выпрашивать деньги на всякую мелочь, а дедушка был скуп и выдавать их не любил. Бывало, из-за какой-нибудь шляпки мамаша стоит, стоит перед дедушкиным кабинетом, не решаясь войти“.

„Как все в тогдашней России, старый семейный быт был построен на самодержавном начале“, говорит мемуарист. В воспоминаниях детей „отец представлялся суровым стариком, очень требовательным, при случае выступающим с плеткой в руке в роли грозного судьи по детским прегрешениям“. „Усвоив себе деловой тон, отец переносил его и в свою интимную корреспонденцию и нередко начинает ее стереотипной фразой: „Письмо твое получил, и содержание оно видел“. Жена обращалась к нему на „вы“, он же говорил ей „ты“. Дети об отце говорили в третьем лице—„они“, „им“. Строгий, раз навсегда заведенный домашний порядок не изменялся из года в год. „Жизнь велась замкнутая. У себя принимали только родных и сами ездили в гости только к родным. Сыновей отец никуда не пускал, даже редко к старшим замужним сестрам“. „После 10 часов все должны были уходить спать и ворота наглухо запирались на ночь. Отпирать их дворник не смел без особого разрешения“. Уезжая из Москвы он оставлял дома „соглядатаев“, от которых получал регулярно сообщения о всем, происходившем в его отсутствие. „У меня, друг мой, оставлены люди, которые напишут все про тебя и про все“, признавался он жене. И после своей смерти он продолжал еще держать в руках своих детей: он завещал всем членам сильно разросшейся семьи в течение шести лет после его смерти не разделяться, жить в одном доме и сообщать вести торгово-промышленное дело, хотя бы совместная жизнь была в тягость.

Общественно-политические и религиозные взгляды Вишнякова, разумеется, отличались консерватизмом. „Повидимому, он находил, что, в общем, все в нашем любезном отечестве обстоит благополучно — если где и есть темные пятна, то где же их не бывает. Верноподданнические чувства Петра Михайловича не подлежат сомнению: о личности государя императора, царского семейства и всех событиях, к ним относящихся, упоминается всегда с уважением и инте-

ресом. Видеть государя или кого-нибудь из императорской фамилии — большое счастье и удовольствие, к которому стремится особенно мать*. Иное, враждебно-настороженное, чувство господствовало в отношениях к более близким органам власти и к чиновникам вообще. „У меня сохранилось смутное воспоминание, что у нас говорили о магистрате, бургомистрах, ратманах, стряпчих, управе Благочиния, совестном суде и т. п. Разумеется, я очень мало понимал, но с самого начала у меня с этими словами стало соединяться представление о чем-то злом и нам враждебном, но вместе с тем сильным и беспощадном... Слово „взятка“ стало мне очень рано известным. Нужно откупаться, платить, чтобы не выбирали в какие-то должности, в которые почему-то, однако, следовало быть выбранным“. С этим страхом купечества перед выборными должностями, почти всегда разорительными, мы часто встречаемся в письмах того времени. П. М. Вишняков писал жене с ярмарки в августе 1837 г.: „Уведомляю тебя, что мы все, слава богу, здоровы и благополучны, только я духом не спокоен, боюсь, чтобы меня не выбрали в директоры банка. Служба не важная, но дела ярмарочные. Каждый день надо быть в присутствии два часа“. Через несколько дней он сообщает: „в директоры я, слава богу, не попал“. Однако, впоследствии он состоял депутатом в московском Градском Об-ве, заседателем в земском суде и приказе общественного призрения.

Сын не может привести ни одного яркого, выходящего за пределы ординарности, примера религиозности Петра Вишнякова. „Подчиняясь поддерживаемому сверху и усердно пропагандируемому взгляду, он склонен был заподозреть, что знакомство с чужестранными идеями и образом мыслей влечет за собой нарушение общественного порядка, безбожие и вольнодумство, от которого нельзя ждать добра ни для отдельных лиц, ни для общества. От этого и до отрицания пользы образования вообще был только один шаг. К чему образование купцу, который должен знать только свое дело“. Впрочем, для своих детей он держал немца Карла Ивановича и немку-гувернантку. Однако, обучение детей велось, главным образом, священником дома и оканчивалось около 14 лет, когда сыновья начинали помогать отцу в делах. П. Вишняков любил подкреплять свою практическую мудрость пословицами и поговорками, на которые охотно ссылался в своей переписке. Вот некоторые из них: „богу молиться—вперед пригодится“, „где страх, там и благочестие“, „где гнев, там и милость“, „когда будет рожь, тогда будет и мера“ и т. д.

Деловитость, бережливость до скупости, строгость домашнего уклада, религиозность и консерватизм Вишнякова, повидимому, вполне соответствовали купеческим идеалам того времени и обеспечивали ему уважение купеческого круга. „Бывало,—говорил автору московский сторожил,—когда ваш батюшка проезжал в город и в сопровождении сына, в своем знаменитом картузе, проходил по рядам в свою лавку, все головы обнажались перед ним. Все считали делом поклониться уважаемому человеку“.

Как будто для того, чтобы резче оттенить трезвость этой природы, у Петра Михайловича был брат, ничем не похожий на него. „Мих. Мих. (Вишняков) имел обширное дело, много приказчиков, но жизнь вел разгульную, много пил и с азартом играл в карты. Когда был пьян, то делался буянном... Он до известной степени образовал сам себя и был для своего времени esprit fort. Торговал он старинными художественными вещами, был антикварием и на этом и деньги нажил... Отец его не любил, но маменька была

с ним в ладах. Он никогда не был женат и жил с какой-то, не то замужней женой, не то цыганкой. После него осталось много книг, большую часть которых отец приказал сжечь. Ведь отец был благочестивый и богомольный в старом духе¹⁾.

Быт Вишняковых и их практическая житейская мудрость не только во многом типичны для русского среднего человека того времени, но и содержат определенные, внациональные классовые черты. Трудно найти более яркую иллюстрацию к некоторым положениям известной книги Вернера Зомбарта „Буржуа“, чем однообразная деловая жизнь Петра Вишнякова и его семьи. В противоположность дворянскому хозяйственному идеалу: жить в роскоши и накапливать лишь для того, чтобы тратить, капитализм ввел в систему накопление с целью дальнейшего расширения производства, не вынужденное, а добровольное сбережение, и значительно изменил образ жизни и воззрения общества. В капиталистическом „духе“, говорит этот исследователь, кроме инстинкта наживы и предпринимательства содержится также целый комплекс „мещанских добродетелей“: умеренность и прилежание, достоинства примерного отца семейства и солидного и осмыслительного делового человека. Господствует интеллектуально-волюнтаристический тип, и жизнь чувства остается придавленной.

В семье Вишняковых в русской обстановке мы видим проявление той же духовной природы раннего капитализма. Некоторая черствость натуры при энергии и властности характера соединились в этой семье с деловитостью и умеренностью.

Интересно проследить на примере той же семьи Вишняковых, как, не теряя своих основных черт, этот устойчивый старо-купеческий быт понемногу эволюционировал еще в середине XIX столетия. После смерти старика Вишнякова первое место в семье принадлежало любимцу отца властному и энергичному Семену. В семейной жизни Семен Петрович выступал в качестве строгого „охранителя традиции“, особенно в отношениях к младшим братьям. „Как человек старого закала, сам выросший под суровой ферулой, он полагал, что всякое воспитание должно быть суровым, чтобы не „избаловать“, этого пуще всего боялись в старину“. Однако в этом было не мало лицемерия, так как сам он „успел пожить втихомолку“. Для характеристики этой семьи в 50-х годах прошлого столетия у нас имеется еще один любопытный источник—„Воспоминания детства“ А. И. Волковой, урожденной Вишняковой, внучки Петра Михайловича (дочери его старшего сына Ивана). Эти воспоминания, к сожалению незаконченные, дают много бытовых подробностей, начиная с внешнего вида дома, улицы и двора, кончая времяпрепровождением взрослых и детей в будни и в праздники, на Пасху и т. п. Изображая этот патриархальный и чинный быт, автор указывает на отсутствие нежности и ласки в детстве, особенно после смерти матери. Однако, многое уже изменилось в этой семье. Мать автора воспоминаний резко отличалась по вкусам и занятиям от окружающей купеческой среды, знала французский язык и любила читать по-французски. В доме жил немец-гувернер „добрый старик, но чудак“, с которым отец любил говорить по-немецки. Теперь, в середине 50-х годов, Вишняковы проводили лето на даче, в Сокольниках или в Кунцево, где, между прочим, они познакомились с графом Строгановым, и дети обоих семейств играли вместе¹⁾.

¹⁾ А. И. Волкова, „Воспоминания, дневник и статьи“, под ред. Ч. Ветринского. 1913 г. Стр. 14 и след.

В заключение остановим внимание на передовой для своего времени семье Крестовниковых, где, на ряду с бытом более европеизированным и приближавшимся к дворянскому, уживались также типично купеческие черты. Образ жизни Крестовниковых отличался достатком и большой мягкостью. Автор „Семейной хроники“ с любовью вспоминал о своем детстве и юности, о воскресных поездках к родственникам, праздничных обедах, масляничных развлечениях, летней жизни на даче и т. п. Крестовниковы уже с 1814 г. имели ткацкую фабрику и были связаны родственными отношениями с богатыми и влиятельными московскими коммерсантами, Куманиным и Москвиным, из которых первый был московским городским головой в 40-х годах, а второй вел обширную заграничную торговлю по импорту хлопка, шерсти и машин и вывозу русского сырья. В связи с этим в молодости два брата Крестовниковы были отправлены в 1848—50 г.г. в Англию для практического коммерческого образования. Они изучали там английский язык и поступили на выучку в торговую контору в Лондоне. Однако эти новшества еще не вытравили в этой семье характерных для буржуазии того времени черт. Из Москвы строго следили за поведением и главным образом за бюджетом молодого Крестовникова. Ему напоминали, чтобы он и „в церковь не забывал ходить и портвейна бы не пил“ и т. д. Братья отчитывались из Лондона в каждом расходе и письменно испрашивали разрешение на покупку карманных часов и т. п. вещей.

IV.

Участие купечества в политической жизни страны и сословно-общественная деятельность нашли отражение в некоторых из наших источников. По случаю выставки мануфактурных произведений в 1833 году в Зимнем дворце был устроен обед с участием виднейших петербургских и московских купцов и фабрикантов. По левую руку государя сидел московский мануфактур-советник И. Н. Рыбников, записавший впоследствии свой разговор с Николаем I и весь порядок этого обеда. Николай старался показать в этот день свое расположение к купечеству и осведомленность в делах торговли и промышленности. Рыбников говорил царю, что Москва встревожена слухами об уменьшении пошлин на мануфактурные изделия. Николай уверял своего собеседника, что тариф будет вновь изменен в сторону повышения пошлин, и спрашивал его, почему русские купцы неохотно строят корабли. Рыбников отвечал, что следовало бы начать с устройства за границей русских торговых контор, и в заключение просил царя посетить его дома в Москве. Записки Рыбникова проникнуты верноподданническим настроением и желанием сохранить для потомства каждое слово императора ¹⁾.

Воспоминания В. А. Кокорева ведут нас к тому перелому в русской жизни, который наступил с эпохой освобождения крестьян. Он рассказывает о своем длительном знакомстве с знаменитым московским генерал-губернатором Закревским и о разрыве с последним вследствие того, что Кокорев стал в ряды сторонников освобождения крестьян и писал журнальные статьи в защиту эмансипации. В связи с этим Закревский стал говорить, что Кокорев „на все готов“, и в 1857 году была устроена за ним полицейская слежка ²⁾.

¹⁾ „Русский Архив“ 1891, № 2.

²⁾ „Русский архив“ 1885, № 9; 1888, № 5.

Зачительный интерес для изучения поворота русской буржуазии на новую дорогу представляют „Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном“ Н. Найденова. Никто из наших мемуаристов не сознавал так отчетливо, что судьба его класса с 60-х гг. вступила в новый фазис, как именно Найденов. Он часто говорит о старой партии в купечестве и новой, молодой, к которой причисляет самого себя. Найденов был выдающимся общественным деятелем, защищавшим с большим темпераментом интересы своего класса с помощью пера, слова и даже интриги. Его воспоминания дают возможность отчетливо представить изменение удельного веса буржуазии в стране, особенно перемену в отношениях ее к государственной власти.

Найденов начал свою общественную деятельность в 1865 г. в качестве гильдейского старосты московской купеческой управы, служив „самой пустой, заключающейся в сборе денег за выдаваемые гильдейские свидетельства“. В следующем году он избирается в гласные моск. гор. думы, затем членом коммерческого и мануфактурного советов, с 1877 г. он состоял, вероятно, до своей смерти (1905 г.) председателем московского биржевого комитета, кроме того был членом коммерческого суда, учетного комитета гос. банка и т. д. Много раз он вызывался в Петербург, в Государственный Совет и в различные бюрократические комиссии, в качестве сведущего лица по самым разнообразным вопросам, затрагивающим интересы торговли и промышленности.

Принадлежа к промышленной, а не торговой среде, Найденов отразил наиболее ярко воззрения и интересы фабрикантов. По своей торгово-промышленной деятельности Найденов был связан с текстильным производством. Хотя в 80-х годах он ликвидирует свою фабрику, но занимается, главным образом делами московского Торгового Банка, при основании которого имелись в виду операции по покупке и продаже хлопка на комиссионных началах. В качестве одного из представителей этого банка Найденов входил пайщиком в т-во Большой Кинешемской мануфактуры. Таким образом, он продолжал сохранять деловые связи с текстильной промышленностью¹⁾.

Н. Найденов хорошо знал приниженное положение купечества в дореформенный период, когда Москвой полновластно правил ген.-губернатор Закревский, который совершенно терроризировал купечество, в особенности фабрикантов и заводчиков своей придирчивостью и взяточничеством. Дореформенная организация городского самоуправления и общественного устройства купечества отличалась крайним архаизмом, сложностью и полным подчинением администрации. Шестигласная дума была не более, как исполнительный орган губернских властей. Кроме думы, в Москве существовал „дом градского общества“ и собрание уполномоченных от гильдий, в которых всеми делами управляли „мироеды“. Реформа 60-х годов уничтожила это устарелое устройство, а возрастающее значение торгово-промышленного класса в хозяйственной жизни страны и культурный рост его изменили отношение его к общественной деятельности. После реформы появился новый тип купца, отправлявшего ту или иную общественную должность не с задней мыслью о чине и

¹⁾ „Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном“, ч. I, стр. 35, 47—55, ч. II, стр. 108. Иоксимович. Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915 стр. 284.

ордене, а с целью защиты общих интересов перед лицом правительства и других социальных групп. К таким новым людям, выдвинувшимся в 60-х годах, принадлежал Н. Найденов.

Как на первый свой крупный шаг, он указывает на участие в борьбе за выгодный для промышленников таможенный тариф в 1865—68 г.г.: „этим было положено начало моей дальнейшей общественной деятельности“. Вот что рассказывает он об этом эпизоде ¹⁾: „в 1864 году стали распространяться более и более фритредерские идеи и сведения о сочувствии, встречаемом ими в правительственных сферах, для отпора чему средств не существовало, и вот в середине того года появилась в виде пробного шара записка постоянной депутации германских коммерческих съездов о заключении торгово-таможенного договора между Россией и германским таможенным союзом, представленная нашему правительству; записка эта летом 1864 г. была прислана из департамента внешней торговли в биржевой комитет для рассмотрения — со стороны купечества“. Немецкая записка рекомендовала сильное, не менее 50%, понижение пошлин на привозные товары. Русскую фабрично-заводскую промышленность немцы называли „искусственно поддерживаемой“ и считали, что она должна в собственных интересах России уступить свое место сельскому хозяйству. Россия должна сосредоточиться на развитии отпускной торговли сельскохозяйственными продуктами, и с этой целью немцы с своей стороны считали возможным понизить пошлины на русские продукты ²⁾.

Понятно, что эта записка, так откровенно предлагавшая ликвидировать молодую русскую индустрию должна была породить „чрезвычайную тревогу“ в кругах промышленников. В московском биржевом комитете возникла мысль по образцу германских коммерческих съездов устроить съезд русских фабрикантов и торговцев. Мысль эта была приведена в исполнение. „Съезд был делом небывалым“, говорит Найденов. Собрался он в числе 195 лиц 14 января 1865 г. в помещении отделения мануфактурного и коммерческого советов у Страстного мон-ря. Съезд выбрал депутацию, в которой, между прочим, участвовали ученые экономисты И. К. Бабст и Ф. И. Чижов, в качестве кандидата в нее вошел Н. Найденов ³⁾. Депутация составил обширный ответ на немецкую записку, но через два года в 1867 г. снова появились „тревожные слухи о готовившемся пересмотре таможенного тарифа; слухи эти вызвали крайнее опасение, вследствие господствовавшего фритредерского направления в правительственных сферах“. Действительно, присланный на заключение биржевого комитета проект нового тарифа предусматривал значительное понижение пошлин. Для рассмотрения этого проекта была выбрана депутация, в состав которой снова вошел Найденов. Вслед за тем представители московского купечества были вызваны в Петербург для участия в работах правительственной тарифной комиссии. Встреча купечества с чиновниками на заседаниях тарифной комиссии представляла значительный интерес. Когда москвичи „начали оспаривать предложения о понижении пошлин на предметы, не производимые в России, указывая на напрасный ущерб от этого для казны и приводя другие по этому доводы нередко не без иронии,

¹⁾ Воспоминания о слышанном, виденном и испытанном, ч. II, стр. 64—67.

²⁾ Подробное изложение записки см. в „Истории Моск. куп. Об-ва“ под редакцией В. Сторожева, т. II, вып. I стр. 613—32.

³⁾ Об этом съезде см. также в изд. „Московская биржа“ (1839—1889). М. 1889. стр. 33 и сл.

чиновники — члены были совершенно озадачены, тем более, что из них многие не обладали способностью излагать свои мысли так, как это было ими встречено... тут была пробита брешь в том понятии, которое существовало о московском торговом люде; комиссия стала относиться к московским депутатам с большой осторожностью и в то же время стала к ним во враждебное отношение". Со стороны председателя тарифной комиссии Неболсина московские представители пользовались „особым почетом против представителей других местностей; когда по какому нибудь вопросу делались замечания, а мы ничего не говорили, то он, непременно, злобно обращался к нам со словами: „а что скажут московские депутаты"? Мы считались у него неделимым целым—оппозицией во всем". Главные столкновения происходили в комиссии относительно пошлин на хлопчатобумажные ткани, так как разрешение этого вопроса представляло для центрально-промышленного района весьма важное значение. „В возбужденном состоянии явились в Москву депутаты, присутствовавшие в комиссии при рассмотрении тарифа по хлопчатобумажному отделу". Возбуждение это проявилось на собрании московского купечества 2 апреля 1868 г., которое признало необходимым представить правительству записку об опасности, угрожающей русской промышленности при установлении проектированных пошлин, и решило ходатайствовать о допущении своих представителей к дальнейшим работам по рассмотрению тарифа. В связи с этим вскоре было получено приглашение несколькими виднейшим представителям московского купечества, в том числе и Найденову, прибыть в Петербург для объяснений при рассмотрении тарифа в особом присутствии государственного совета.

В Петербурге представители московского купечества представились Чевкину, председателю департамента экономии госуд. совета, настроенному враждебно к требованиям фабрикантов, и прием, им оказанный, произвел на депутатов впечатление „крайне неприятное". На другой день они явились на заседание государственного совета. „После краткого обождания мы были приглашены в зал заседания Совета: все это было настолько новым, производило такое впечатление, — говорит Найденов, — что я считаю не лишним описать встреченную обстановку", и далее подробно описывает убранство зала и порядок заседания: „в середине стола (лицом к окнам) занимал место Чевкин в парадной форме, по правую сторону—наследник-цесаревич, по левую—министр финансов М. X. Рейтерн..." и т. д. От москвичей „требовали объяснения лишь по тем предметам, по которым мнения в комиссии разделились".

В борьбе за тариф промышленники прибегли к помощи прессы, что также было внове. В среде крупного купечества, в особенности фабрикантов, „возникла мысль основать серьезный орган, который мог бы защищать промышленность; лицом, способным для этого, представлялся И. С. Аксаков, средства на издание были собраны по подписке; участие в этом было принято Морозовым, Лялиным, Милютиным и др... операцил эта стоила участникам, сколько помнится, до 80 тыс. руб.". Так возникла газета „Москва" и после закрытия ее—„Москвич". В этой газете помещались статьи о работах тарифной комиссии и даже сообщения о закрытых ее заседаниях, что еще более восстанавливало чиновников, членов комиссии, против фабрикантов, „но зато нумера „Москвы" и „Москвича" стали постоянно появляться на заседаниях комиссии по их выходе".

Важно отметить, и об этом не говорит крайний протекционист Найденов, что тариф 1868 г. отчасти удовлетворил пожелания фабрикантов. Натиск с их стороны на правительство дал определенные результаты и тариф этот носит гораздо более протекционный характер, чем предшествующий. Изменение первоначального проекта в сторону приближения его к пожеланиям фабрикантов было проведено в государственном совете, который увеличил пошлины по большинству пунктов. При этом несколько повышены были ставки на ситцы, в чем особенно были заинтересованы московские фабриканты ¹⁾).

Остановимся еще на некоторых любопытных эпизодах общественной деятельности Найденова. Он участвовал в начавшихся в 1871 г. работах комиссии по составлению устава на найму рабочих, сперва заседавшей под председательством Игнатьева, а затем Валуева. Он не высказывается в своих воспоминаниях по существу проекта. Как известно, валуевский проект ограничивал рабочий день малолетних 6—8 час. в сутки; неудачу, постигшую эти проекты, М. Туган-Барановский объясняет „исключительно сопротивлением фабрикантов, главным образом, московских, с московским отделением мануфактурного совета во главе“. При этом энергично возражал против проектов и Найденов ²⁾).

Молодое купечество не только настойчиво защищало свои экономические интересы перед правительством, но также решалось выступать и по вопросам высокой политики. Интересно, что, по крайней мере, часть купечества пыталась занять в этих вопросах самостоятельную позицию, выступая даже против дворянства. В одном эпизоде из московской общественной жизни, рассказанном Н. Найденовым, отчетливо наметилось равновесие между обоими сословиями. „В 1870 г., после разгрома Франции, русское правительство решилось свергнуть стеснительные для России условия, поставленные парижским трактатом 1856 г.; такой шаг правительства вызвал общий подъем духа; возникла мысль заявить о том и со стороны московского городского управления, чему сочувствовала и местная администрация... Адрес был написан И. Аксаковым, и для обсуждения его предварительно было организовано собрание гласных на квартире городского головы кн. В. Черкасского при участии Ю. Самарина, М. Погодина, кн. Щербатова и др. Купечества между тем, было встревожено введением в то время всеобщей повинности, от которой купечество было прежде свободным, а в составленном адресе косвенно указывалось на это мероприятие в виде сочувствия ему, хотя о предстоящем положении дела не имелось еще никаких определенных сведений“. Кроме того, „в проектированном таким путем адресе, как на потребности народные, были сделаны указания на свободу слова, свободу веры и свободу совести“. Гласные от купечества, в том числе и Найденов, возражали против высказывания в этом адресе либеральных пожеланий. Последствия этого адреса были несколько неожиданны. Из Петербурга „адрес был возвращен назад, а генерал-губернатор вызван туда, где ему было сделано соответствующее внушение; вместе с тем была спета песня и кн. Черкасского“. В дневнике С. Сухотина, одновременно с Найденовым состоявшего гласным моск. гор. думы, находим ука-

¹⁾ М. Н. Соболев. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск, 1911, стр. 221—302.

²⁾ Туган-Барановский. „Русская фабрика“. М., 1922, стр. 304.

зание на то, что последний выражал в этом случае мнение только одной части купечества¹⁾. В этом эпизоде интересна не только самостоятельная точка зрения группы купечества на вопросы политики, но и полное равнодушие к политической свободе.

Воспоминания Найденова свидетельствуют о делении московского купечества на два враждебных направления. Одно из них он называет „старой партией“ и рисует ее защитницей сословной замкнутости, врагом реформированного городского самоуправления, лишившего купечество монополии поставлять городских голов исключительно из своей среды. Внутри сословных организаций представители старой партии требовали беспрекословного подчинения со стороны более молодых и менее богатых членов. Они старались при всяких условиях ладить с правительственной властью. Напротив, молодое поколение желало на равных правах сотрудничать с дворянством в новых учреждениях. В противоположность старикам, выдавшим в общественной деятельности лишь средство к чинам и приобретению дворянского звания, молодое купечество отличалось большой общественной активностью, и было проникнуто сильным чувством своего классового достоинства. Молодые стремились к сплоченности и организованным выступлениям. Вокруг Найденова образовался кружок единомышленников, в связи с чем даже поднимался вопрос о временной высылке его из Москвы.

V.

Отдельные указания на повышенную активность торгово-промышленного класса во второй половине прошлого столетия рассыпаны в некоторых других из указанных воспоминаний. Братья Крестовниковы имели большое влияние на общественную жизнь Казани в 60—70 гг. Автор „Семейной Хроники“ был членом биржевого комитета, гласным городской думы, участвовал в организации различных обществ и клубов, был инициатором первой частной газеты и т. п. В 80-х годах, отойдя от непосредственного руководства своими предприятиями, он переезжает в Москву и здесь избирается председателем московского отделения о-ва содействия русской промышленности и торговли, занимается переводом немецких экономических сочинений на русский язык и часто выступает в печати. Вместе с тем Н. Крестовников подробно описывает свои путешествия по России и за границу. Всего он побывал в Зап. Европе восемь раз, при этом в молодые годы лишь два раза, в 1850—51 г.г., в Англии для коммерческой практики, и только через двадцать лет он снова едет за границу. Общество, в котором вращался Крестовников за границей, за этот долгий промежуток несколько меняется, и эта перемена весьма характерна. В молодости он встречается там с некоторыми московскими купцами, приехавшими, как и он, на всемирную выставку, вместе они устраивают попойки и совместно осматривают Манчестерские фабрики. В воспоминаниях и письмах 70-х годов автор пишет о встречах зимой в Ментоне с братом министра, Тимашевым, Римской-Корсаковой, директором международного банка и т. п. Его жена знакомится с флигель-адъютантом австрийского императора и с русскими графами и баронами. От былой сословной замкнутости не осталось и следа.

¹⁾ Русский Архив. 1894. № 6, стр. 248—249.

В записках Н. Чукмалдина легко проследить отражение тех же явлений—оживленной местной общественной деятельности, насколько позволяли условия того времени, и стремления к овладению современной духовной культурой. Став крупным московским коммерсантом, автор много путешествует по России и Западной Европе; он завязал также коммерческие сношения с немецким рынком; наряду с сооружением церкви в родной деревне он заботился о расширении Тюменского музея. Чукмалдин был захвачен тем же процессом европеизации русской буржуазии, который хорошо отразился в воспоминаниях Крестовникова.

Эволюция быта богатого передового купечества во второй половине XIX в. может быть прослежена до некоторой степени по воспоминаниям П. И. Щукина, известного коллекционера предметов искусства и старины ¹⁾. Щукины вышли из старинной посадской семьи города Боровска, Калужской губ. В конце 70-х годов XVIII века один из них завел в Москве торговлю мануфактурным товаром. К началу XX столетия, Щукины уже занимали первое место среди скупщиков хлопчатобумажных изделий, а также шерстяных, шелковых и льняных товаров. В воспоминаниях П. Щукина перед читателем проходят картины жизни двух поколений московского купечества—самого автора с его братьями и их отца. Отец мемуариста и его друзья принадлежали к купцам переходной эпохи, сочетавшим крепкий характер и отчасти дореформенные воззрения с тягой к новому, более свободному полудворянскому быту. Отец мемуариста, И. В. Щукин, вырос в Николаевскую эпоху и пережил тот переломный период в истории русского купечества, о котором мы говорили в предыдущей главе, новые веяния в значительной степени захватили и его. Это был человек деятельный, властный и строгий к подчиненным. Как водится, он служил по выборам, и, кроме того, он участвовал также в знаменитом московском купеческом съезде в 1865 г. и был избран в состав постоянной депутации одновременно с Н. Найденовым для составления ответа на германскую записку о тарифе.

Автор живо рисует обычный день своего отца, начиная с утреннего кофе, поручений приказчикам и поездок на фабрики и кончая посещением гостей и театра. Он дает подробное описание отцовского дома на Пречистенке, весьма интересное для понимания жизни богатого московского коммерсанта 70—80 гг. XIX столетия. Широкий характер жизни Щукиных подчеркивался покупкой имения в Курской губ., в котором находился „барский дом с садом, с большим прудом, со службами, амбарами и скотным и птичьим двором“. Этот широко живший, крутой и старозаветно-набожный человек совсем не по-старинному заботился об образовании детей. Сыновей обучал в немецком пансионе, по окончании которого повез их к известному педагогу Стоюнину для экзамена и совета, затем он отправил сына в Берлин.

Петр Иванович Щукин (род. в 1851 г., умер в 1913 г.) мало похож на своего отца и его друзей. Он хорошо был подготовлен к коммерческой деятельности, но далеко не целиком поглощен деловой жизнью. Он учился в немецкой школе в Финляндии, затем в пансионе в Петербурге, где, между прочим, посещал лекции Костомарова по русской истории. В Москве, продолжая учиться, он начал иногда „заходить в город, в лавку отца“ и ездил на

¹⁾ Щукина „Щукинский сборник“, тт. X, XI. М. 1912 г.

Нижегородскую ярмарку, пока отец не отвез его на 21 году за границу. Пребывание за границей молодого Щукина в 70-х годах интересно сопоставить с жизнью Николая Крестовникова в Лондоне в 1850 г. Последний пробыл в Англии несколько месяцев и успел лишь изучить английский язык, при этом родные не оставляли молодого Крестовникова без строгих поучений, требуя подробных отчетов, соблюдения за границей православных обрядов и т. п. Жизнь Щукина проходила более независимо, а занятия более систематично. Он много путешествовал по Европе и принимал участие в типичных буржуазных развлечениях. В Берлине Щукина приняли „волонтером“, т.-е. без жалования в крупный торговый дом по сбыту бумажных и шерстяных материй. Щукин не был одинок за границей, в том же положении жили там молодые москвичи Гучков и Гужон. Затем, Щукин переезжает во Францию и поступает в Лионе сначала волонтером к шелковым фабрикантам, после чего стал заниматься теорией фабрикации шелковых тканей у бывшего фабриканта, написавшего руководство по ткацкому делу.

После двух лет практики Щукин поступил на службу уже с жалованием в две тысячи франков в коммерческий дом по торговле текстильными, главным образом, шелковыми товарами. Такова была практика молодого Щукина, отчасти производственная, но, главным образом, касающаяся текстильной торговли, т.-е. той же отрасли, которой занимался его отец. Он собирався было открыть за границей комиссионный дом в компании с одним из своих французских друзей, но отец уговорил его вступить в его дело и вернуться в Москву после шестилетнего пребывания за границей. Впоследствии Щукин совершал частые заграничные поездки, воспоминания о которых пестрят названиями гостиниц, ресторанов, кафе-шантанов и перечислением меню и имен популярных артистов, напр.: „В Париже каждый вечер я куда-нибудь ходил: то в театр, то в кафе-шантан, то в цирк... В театре Palais-Royal играли тогда замечательные комики и прехорошенькие актрисы. В театре Bouffes Parisiens подвизались две очаровательные актрисы: брюнетка Жюдин и блондинка Тео“ и т. д. и т. д.

В своих записках Щукин весьма колоритно рисуется в качестве веселящегося буржуа, гастронома и *bon vivant*. В той части его воспоминаний, где он рассказывает о своей московской жизни, очень мало сведений о коммерческой деятельности. Он ездил ежегодно в Нижний на ярмарку, но вспоминает преимущественно о нижегородских трактирах, цыганских и русских хорах и дает живые зарисовки увеселений того круга крупнейших и культурных московских коммерсантов, к которому он принадлежал.

Судя по его запискам, П. И. Щукин был лишен какого-либо интереса к общественно-политической жизни, но зато питал страсть к театру, картинам и проч. О литературном вкусе его свидетельствуют также разбросанные по страницам его воспоминаний четкие, почти художественные описания поездок, встреч и т. п. Интересен круг знакомых, с которыми наиболее часто встречался Щукин в Москве: среди них почти не встречаем московских фабрикантов, но главным образом профессоров, артистов и других представителей интеллигенции. Коллекционерство Щукина началось еще в юности. „Живя за границей, я собирал немецкие и французские книги, фотографии актрис, актеров, писателей, ученых, военных, коммунистов и др. Возвратясь в Москву, стал также собирать гравюры, фотографии и рисунки. Таким образом, у меня составилось значительное собрание

гравюрок лучшего немецкого иллюстратора XVIII в.—Даниила Ходовецкого, офортов и рисунков Фелисьена Ропса и литографий Гаварни, Греведона, Буали и других XIX в. *.

Любопытным памятником московского коллекционерства является „Записная книжка“ А. П. Бахрушина.

Будучи сам страстным коллекционером, он дает едкие характеристики богатых московских собирателей. При этом в его оценках сквозит целый кодекс морали коллекционера. Величайшей похвалы с его стороны вызывает деятельность П. М. Третьякова, особенно пожертвование им своего собрания картин в собственность городского управления и, напротив, крайнее возмущение пробуждают у него коллекционеры, собиравшие лишь для дальнейшей перепродажи или легко уступавшие свои собрания. Этот видный представитель московского купечества был полон презрения к торговле предметами искусства и старины или, точнее говоря, к смешению коллекционерства и барышничества. Рассказывая об одном из собирателей старинного шитья, впадшем впоследствии в нужду и, несмотря на это, отказавшемся продать лучшие вещи своего собрания, А. Бахрушин замечает: „вот истинный идеальный любитель и собиратель!“¹⁾.

Об интересах московского купечества в 90-годах к искусству ценные сведения содержит книга К. С. Станиславского „Моя жизнь в искусстве“. Он отмечает в качестве условия, благоприятствовавшего развитию его артистического дарования, что он „жил в такое время, когда в области искусства, науки, эстетики началось очень большое оживление. Как известно, в Москве этому значительно способствовало тогдашнее молодое купечество, которое впервые вышло на арену русской жизни и, наряду со своими торгово-промышленными делами, вплотную заинтересовалось искусством“. И затем Станиславский перечисляет культурные заслуги Третьякова, Солдатенкова, Сабашникова, коллекционеров Щукиных и др., рассказывает о прославившихся домашних спектаклях Саввы Мамонтова и т. п. Книга К. Станиславского интересна для нашей темы также автографическими подробностями, так как автор принадлежал к богатой и культурной купеческой семье Алексеевых и живо передает картину своего детства, учения и первых попыток на артистическом поприще. В молодости он выступал не только в качестве артиста-любителя, но и в роли покровителя искусств, состоя директором московского Музыкального общества, организатором „Общества Искусства и Литературы“, которое он субсидировал из своих средств и т. п. Вместе с тем, книга Станиславского является самым ярким свидетельством стремления отдельных представителей буржуазии перейти от коммерческой деятельности целиком к интеллигентским профессиям. В день открытия Художественного театра он с тревогой думал, что „или мы в этот вечер пройдем в ворота искусства, или они захлопнутся перед нашим носом. Тогда навсегда придется сидеть в скучной конторе“.

* * *

В заключение настоящего обзора мы остановимся на женских мемуарах, авторы которых вышли из купеческой среды. Жизнь женщины купеческого круга также была захвачена той же эволюцией, которую переживала передовая и деловая буржуазия. Более скван-

¹⁾ Из записной книжки А. П. Бахрушина „Кто что собирает“. Примечания составил М. Цявловский. М. 1916, стр. 33.

ная старым бытом, чем муж и братья, женщина в этой среде переживала культурный перелом более остро и болезненно.

К наиболее старинному укладу купеческой жизни уводят нас записки Н. С. Селивановского, сына известного владельца типографии. Он родился в 1805 году и воспитывался до 1812 года у своей бабушки, дом которой помещался за Яузой. В своих записках он хочет „дать понятие о житье купчихи-вдовы с состоянием и без образования“. Поэтому автор самым детальным образом передает устройство и убранство трехэтажного каменного дома с множеством кладовых и подвалов, залой, с огромной изразцовой печью, девичьей, спальней с лежанкою и т. п. „Словом, замечает он, дом бабушки с кладовыми, сводами и толстыми стенами, одни ворота для входа, всегда запертые, уединенный сад и все домашние уголья, заключенные соседними заборами, походили на феодальный замок, где можно было выдержать осаду и довольствоваться, не выступая вон. Народонаселение все состояло из женщин...“¹⁾ К сожалению, записки Селивановского не окончены, и широко начатая картина старинной купеческой жизни осталась лишь в виде первоначального наброска.

Девичья жизнь провинциальной купеческой семьи Шуклиных в 50-60 г.г. рассказана М. А. Рыбниковой в „Горбовской хронике“. „Девичий мир Шуклинских (арышень отражает тот жизненный уклад, который передавался из поколения в поколение, из рода в род. Сестры живут на попечении старшего брата; по смерти батюшки, для них, для сирот, он становится отцом“. Они занимали особое помещение в мезонине, где время проходило в занятиях рукоделием и в ожидании жениха. Зачитывались в свободное время романами Александра Дюма и Загоскина, часто отправлялись на богомолье, любили беседы со странниками, юродивыми и кликушами, на святках непременно занимались гаданием и подолгу гостили у родственников, при помощи которых заводились знакомства и устраивались браки: „совершенно неожиданно является жених, чужой, незнакомый человек; сватовство, замужество — все это совершалось катастрофически быстро и случайно“.

Ту же картину находим в записках А. Волковой, но здесь рассказ уже окрашен горечью и негодованием по поводу положения женщины в купеческой среде. С горечью и иронией рассказывает она о своем замужестве, очень типичном для купеческой семьи: „прожила я до 16 лет, а тут и замуж пора. За кого идти замуж. Это все равно. Лишь бы имел средства. Ну, такой нашелся: в октябре встретились, в ноябре были муж и жена. Как сейчас, помню тот день, когда меня вывели в гостиную показать жениху, который явился смотреть на меня со своей матерью и братьями. Эти смотрины я часто сравнивала впоследствии с выводкой лошадей... Осмотрели — оказалась годна“. Разница в умственных интересах сделала совместную жизнь с мужем особенно тяжелой. „Заговорила с мужем о книгах, о библиотеке, о желании читать, воображая, что и он, мой идеал, думает так же, как и я, и стремится к тому же. И вдруг — разочарование. Муж обругал меня душой“. С течением времени отрыв от купеческой среды разрастался. „К началу 80-х годов — говорит ее биограф — в Анне Ивановне (Волковой) сложился человек определенного либерального образа мыслей, с горячими симпатиями к деятельной и живой умственной жизни, с особым высоким представлением о людях

¹⁾ Записки Н. С. Селивановского напечатаны в „Библиографических записках“, 1858 г., № 7.

интеллигентного круга, с трогательным по своей чистоте и некоторой наивности высоким представлением о значении литературной и всякой иной просветительской работы". Ее участие в литературе выразилось в переводах иностранных романов и в статьях о положении женщин и по вопросам воспитания. Больше всего она мечтала о том, что „к тому времени, когда подрастут мои внуки, в России будут существовать университеты женские, или женщины получают доступ к высшему образованию в мужских университетах. Дело все в том, чтобы женский удел не заключался бы только в одном замужестве, которому не может мешать образование“.

Аналогичными мыслями о женском образовании была охвачена Елизавета Дьяконова, ее драму надо признать очень типичной. Е. Дьяконова принадлежала по происхождению к костромскому купечеству, провела юность в Ярославле, но подолгу жила и в Москве, где у ней было много родни. „Хотя мы уже числимся почетными гражданами,—говорит она в своем дневнике,—но наши родные, все были очень состоятельные купцы и целый ряд моих предков, с какой стороны ни поглядишь, с бабушкиной, дедушкиной, с отцовской, материнской—все торговые люди“. Предки наградили Дьяконову болезненной наследственностью а мать, упрямая и истеричная, сделала домашнюю жизнь особенно тяжелой. „В нашем купеческом кругу встречаются такие картинки, которые показывают, как мы недалеко еще ушли от времен Островского,—пишет она в 1894 г.,—здесь жизнь девушки ограничивается тем, что по окончании гимназии она возвращается домой и в семье должна ожидать замужества“. Так должна идти и жизнь Дьяконовой, между тем умственные интересы влекли ее к высшему образованию. С негодованием записывает она в дневнике: „в доме появились свахи; они взялись за дело очень усердно и по-старинному предлагают показать меня женихам“. Только в результате длительной и упорной борьбы Дьяконова ушла из родного дома и была принята на высшие курсы в Петербурге. По окончании курсов она уезжает в Париж, где продолжает свое образование. Ее дневник в большей своей части посвящен личным переживаниям и является ярким „человеческим документом“ и на ряду с этим—ценным материалом для характеристики университетской и вообще интеллигентской жизни 90-х годов.

Заканчивая на этом обзор мемуаров московского купечества, следует заметить, что разумеется, в краткой статье нельзя исчерпать их содержания. Задача настоящего очерка лишь обратить внимание на этот не затронутый еще исследователями ценный исторический источник. Преимущественное значение его заключается в отражении конкретных черт быта торгово-промышленного класса и культурной эволюции, пережитой им на протяжении XIX столетия.

Для настоящей работы мы пользовались следующей мемуарной литературой 1) Н. Полевой. „Несколько слов от сочинителя“. (Предисловие к „Очеркам русской литературы“. Соч. Ник. Полевого. Ч. I. СПб. 1839 г.); 2) „Записки Кс. Полевого“. СПб 1888 г.; 3) Записки Н. С. Селивановского („Библиографические записки“. 1858 г. № 17); 4) Н. Н. Шипов. История моей жизни. СПб. 1881 г. („Русская Старина“. 1881 г., т. 31 и 32). 5) Воспоминания И. А. Гольшева („Русск. Старина“. 1879 г., № 4 и 6). 6) Картинное и книжное народное производство и торговля. Рассказ И. А. Гольшева, основателя и владельца литографии в слоб. Мстеры. („Русск. Старина“. 1886 № 3). 7) В. А. Кокорев. Воспоминания давно прошедшего. („Русский Архив“. 1885 г. №№ 9, 10. 1888 г. № 5); 8) И. Рыбников. Российское купечество на обеде у императора Николая Павловича (1833 г.). („Русский Архив“. 1891 г. № 2); 9) Вернер Сименс. Мои воспоминания. Пер. с нем. СПб. 1833 г.; 10) К истории русской промышленности. Памятная книга крестьянина села Иванова А. Ф. Полушина с дополнительными примечаниями сына и внука. 1751—1850 г., сообщил Н. А. Полушин. („Русский Архив“. 1898 г. № 6); 11) Н. М. Чук-

малдин. Записки о моей жизни". М. 1902 г.; 12) „Дневник Елизаветы Дьяконовой“ (1886—1902). 4 издания. 1904—12 г.; 13) Семейная хроника Крестовниковых (письма и воспоминания). Кн. 1, 2, 3. М. 1903—4 г.; 14) Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном (Н. Назденево), ч. I. М. 1903 г.; ч. II. М. 1905 г.; 15) Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым“, ч. I. М. 1903 г.; ч. II. М. 1905 г.; ч. III. М. 1911 г.; 16) Воспоминания П. П. Щукина („Щукинский сборник“, вып. X, XI, М. 1912 г.); 17) А. И. Волкова (урожд. Вишнякова). Воспоминания, дневник и статьи. Н.-Новгород. 1913 г.; 18) И. А. Слонов. Из жизни торговой Москвы (полвека назад). М. 1914 г.; 19) „Воспоминания И. А. Уманского о первых годах его горнозаводской деятельности, начиная с 1863 г.“. Харьков. 1914 г. (Отд. оттиск из журн. „Горно-заводское дело“ за 1914 г.); 20) И. Д. Сытин. Из пережитого. Авто-биографические заметки („Полвека для книги“. Литерат.-художеств. сборник, посвященный 50-летию издательской деятельности И. Д. Сытина. М. 1916 г.); 21) Из записной книжки А. П. Бахрушина. „Кто что собирает“. Примечания составил М. Цявловский. М. 1916 г.; 22) М. А. Рыбникова. Горбовская хроника (по архиву семьи Щукиных). М. 1919 г.; 23) К. С. Сташиславский: Моя жизнь в искусстве. М. 1926 г. 24) Валерий Брюсов. Из моей жизни. М. 1927 г.; 25) Из воспоминаний букинистов, довольно многочисленных, укажем здесь ст. П. И. Шибанова — Антикварная торговля в России (сб. „Книжная торговля“, под ред. Н. Накорякова и М. Муратова. М. 1925 г.). Должен указать еще на записки Сан-Галли „Circulum vitae заводчика и фабриканта, знакомые мне только по статье Г. М. Лунца „Две жизни“ (Г. М. Лунц. Сборник статей из истории фабричного законодательства и рабочего вопроса), так как в московских библиотеках это издание не удалось отыскать.